

Literature:

1. Jakobson R., Halle M. (1960) *Grundlagen der Sprache*, Berlin: Akademie Verlag, 1960
2. Jung C. G. *The Collected Works of C. G. Jung*, London: Routledge & Kegan Poul, vol. 9, part 1: 88-89
3. Kubie L.S. (1975) *The Language Tools of Psychoanalysis. International Review of Psycho-Analysis.* 2:11-24.
4. Rapoport A. (1955) The role of symbols in human behavior. *Psychiatric Research Reports*, vol.2. Washington: American Psychiatric Association.
5. Andreyeva O. History in birds . *Cinema Art*, № 7, pp. 66
6. Moore E.B. (2000) The problem of definition in Psychoanalysis. *Psychoanalytic terms and concepts, M: Class*, p.18
7. Nabokov V.V. (2010) *Lectures on foreign literature*. St. Petersburg: Azbuka-Classic. pp. 266 – 267
8. Aldington R. (1957) *Portrait of a Rebel. The Life and Work of Robert Louis Stevenson*. London: Evans Brotlars Ltd.
9. Searle J.R. (1979) *Expression and Meaning*. Cambridge, London, New York, Md berrne: Cambridge University Press. 113
10. Stevenson L.R. (1967) *Collected works in 5 volumes*, Volume 2, M: Pravda, 559

А. А. Брудный,

д. ф. н., проф. направления «Психология»,
Американский университет в Центральной Азии

Пути к исследованию смысла (Р. О. Якобсон vs. В. В. Набоков)

Задача, поставленная в этой статье, состоит в том, чтобы сопоставить различные модели выражения смысла в текстах. Суть вопроса состоит в том, что теория позволяет дополнить речевые выражения смысла «неотменимой реальностью зримого», говоря словами Джойса. Напомню, что «теоретиками» называли в античной Греции «внимательно всматривающихся» зрителей спортивных соревнований, а «теория» помогала этим зрителям предвидеть их результаты более точно, чем спортсменам-участникам. Таким образом, корни обоих общепотребительных научных терминов тоже связаны с «реальностью зримого».

Когда в 1948 году В. В. Набокова приглашали в Корнеллский университет читать курс литературы, Р. О. Якобсон, в ту пору уже всемирно признанный лингвист, высказался против этой кандидатуры. Ему возразили, что Набоков – крупный писатель, на что Якобсон ответил метафорически: «Слон – самое крупное животное, но его не приглашают читать зоологию».

Однако, «всякое соревнование хромает», как говорят немцы, и Набоков был приглашен.

Якобсон прибег к сравнению не случайно. В основе его сравнения лежало прилагательное, а Куби считает, что, затрагивая сферу психологии, лучше пользоваться прилагательными (3). Сверх того, согласно теории Якобсона, построение текста психологически лежит на пересечении двух осей: селекции и комбинации (1). На первой оси происходит движение мысли, направленное на выбор средств ее выражения. При выборе слов это движение охватывает область сходства. При движении по второй оси доминирует смежность отображенных элементов.

И это не случайно: думается, в этом акте заложена основа понимания речи. Но понимание текстов заключается в понимании их содержания и смысла.

При этом (мысль М. Мерло-Понти) пониманию литературно-художественных текстов содействует воображение. А что касается анализа проблем научных, то здесь воображению содействует понимание. Подход Набокова, как мы увидим, был именно таков.

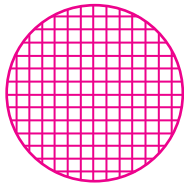
Когда Набоков готовил курс 311-312 («Мастера европейской прозы») для департамента славистики Корнеллского университета, он обратился за советом к Эдмунду Уилсону, который, однако, охарактеризовал Р. Л. Стивенсона как писателя «второразрядного». Согласиться с ним никак нельзя, и я сошлюсь на «Portrait of a Rebel. The Life and Work of Robert Louis Stevenson» Ричарда Олдингтона, который пишет, что «Доктор Джекил» по сути своей оригинален и благодаря силе драматического воздействия пользуется широкой популярностью вот уже восемьдесят (*теперь уже свыше ста – А.Б.*) лет. Можно добавить еще, что «Доктор Джекил» является почти идеальным киносценарием... За первые полгода в США было продано свыше четверти миллиона экземпляров... «Доктор Джекил» имел грандиозный успех у публики – тот Успех с большой буквы, ради которого работал Стивенсон» (8). Вполне понятно, что успех у американской публики не является для Э. Уилсона критерием художественного мастерства, но в данном случае это именно тот Успех, который заслужил автор классического литературного произведения. Заметим, кстати, что Стивенсон предугадал тот успех, которым замысел «Доктора Джекила» и поныне пользуется на экране – это действительно «почти идеальный киносценарий» написанный в ту эпоху, когда киносценариев (и фильмов!) не существовало. Несомненно, что «человечки», которые разыгрывают пьесы на сцене сна (на них ссылаются, в частности, и Стивенсон, и Булгаков) являются психологическим прообразом запрограммированных сновидений, которым предстоит большое будущее в XXI веке.

Сущность проделанной Набоковым работы выясняется, когда мы обращаемся к его модели содержания «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда». Модель носила смысловой характер.

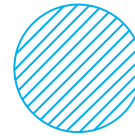
Идея Стивенсона состояла в том, что доктор Джекил, помимо своих положительных черт, включает в себя элементы негативные: он не лишен злопамятства, склонен к риску, а ведь риск – это опорная плита человеческого поведения, заложенная в нас еще на том раннем этапе развития, когда добро и зло еще не дифференцировались. И вот, когда Джекил принимает снадобье (состав которого остается неизвестным), дифференциация зла бешено ускоряется, и от Джекила отделяется, «выпадает в осадок» мистер Хайд, маленький и страшный. Возникает ощущение, что Джекил обратился в Хайда. Эту ситуацию Набоков изображает и комментирует так:

«Эту ситуацию можно проиллюстрировать следующим образом.

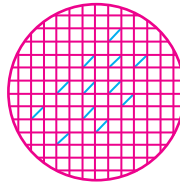
Генри Джекил
(большой)

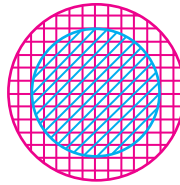
Эдвард Хайд
(маленький)

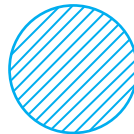
Взглядевшись, вы увидите, что в большого, светлого, уютно-домашнего Джекила вкраплены ростки зла.

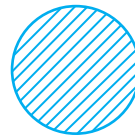
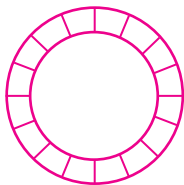
Под действием чудесного напитка зло сгущается

и переходит, или обособляется, в

И все же, если приглядеться к Хайду, то можно заметить, что над ним, содрогаясь от ужаса, но неотступно парит то, что осталось от Джекила, – подобие туманного кольца, или ореола, словно темный сгусток зла выпал из кольца добра, но само это кольцо не исчезло: Джекил все еще стремится вернуться в свой облик. И это очень важно».

Заметим, что Набоков предложил модель, выходящую за пределы психосемантики текста. Эта модель касается неоднородности общества. Кроме вертикальных и горизонтальных линий, на схеме 1 есть и косые среди клеточек. Что это? Для русского, пережившего революцию, это тайное общество. Это общество в обществе.

Смысл чаще всего может быть выражен в символической (не синоним ли это «зримости»?) форме.

«Согласно Рапопорту, процесс передачи накопленных знаний, который Коржибский называл связью времен, совершается при помощи символов (4). «До недавнего времени, пока шимпанзе не решились нас лелеемой иллюзии, считалось, что использование символов является важнейшей и уникальной характеристикой человеческой расы. В отличие от сигнала, который есть не что иное, как стимул, ответ на который является обусловленным, символ вызывает ответ только по отношению к другим символам. В разных контекстах один и тот же символ может вызывать различные реакции; его нельзя определить вне контекста. Объединяясь в определенные последовательности, символы образуют язык, «символическую вселенную», которая помогает людям воспринимать, понимать, сообщать и формировать свой внешний мир, который, в свою очередь, формируется под влиянием этого внешнего мира» (6).

Смысл, повторюсь, есть. Поэтому мы его не замечаем, как не замечают нормальную температуру, пока ее не сменил озноб. Вспомните, как начал Ганс Селье исследование стресса: он заметил, что у больных до постановки диагноза, до появления специфически присущих некоторому данному заболеванию симптомов, даже до и вместо того, что врачи именуют «общим недомоганием» возникает состояние напряженности, свидетельствующее о том, что нечто утрачено: это нечто – норма.

Так и смысл первично ошутим как то, что исчезает при ощущении непонятности, ощущении того, что было и вдруг утрачено. Специфика этого ощущения требует элементарного самоанализа, и он подскажет, что исчезло не ощущение понимания, а исчез наличный (и в силу этого прозрачный и, как бы, неошутимый) смысл, предмет понимания. И сразу становится ясным, что смысл, по удачной аналогии Лосева, подобен хорошим очкам – сквозь него и при его посредстве предметы обретают подлинную связь. Чем же подлинная связность отличается от простой последовательности, которую мы для упрощения назовем «неподлинной» связностью? Это отличие состоит в том, что одно звено не в состоянии метонимически заменить другое. Так, день не в силах заменить ночь, так метафора «луна – солнце ночи» кажется натянутой и неудачной, в то время как «съесть тарелку» вполне возможно и тривиально, если это тарелка каши или супа; можно даже «обуть ветер» – вспомните ныне забытого Луговского, который писал:

Итак, начинается песня о ветре,
Ветре, обутом в солдатские гетры,
Гетрах, идущих дорогой войны,
Войнах, которым стихи не нужны...

Ясно, что здесь речь идет не об аналогии (солдаты «быстро, как ветер» не шагают), а о гомологии. О том, что солдат гонит невидимая (как невидим ветер) воля истории, воля, которой люди склонны придавать смысл. И, возможно, не без основания.

Как это предположила и обосновала Д. Сыдыкбекова, по отношению к тексту возможны три позиции: авторская (позиция Создателя), позиция персонажа и позиция читателя (или внешняя). Ясно, что эта триада возможна и по отношению, например, к городу: позиция Архитектора, жителя, туриста (или, если допустить временной сдвиг, – археолога). Если же рассматривать историю как текст, имеющий своего Создателя, становится очевидным, что в качестве исполнителя роли одного и того же

персонажа он подбирает зачастую нескольких лиц (чаще – двух) и выбирает наиболее подходящего из них.

Роберт Луис Стивенсон предлагает читателю принять участие в совершенно необычном эксперименте: метафорически подобных Добру и Злу лиц он метонимически совмещает в одном человеке. Невольно вспоминается мысль Ж. Бодрийяра о том, что сегодня метонимия прокладывает себе дорогу через развалины метафоры!¹ Замечательно, что основа идеи Бодрийяра возникла отнюдь не «сегодня», а в далеком «вчера».

Простейшее толкование символа заключается в том, что он замещает собой симболизируемый объект. Автор придает символу смысл, соединяя его в уме читателя с чувством, с мыслью, наконец.

Но, как отмечает Ольга Андреева, есть символика другого рода. Символика, в которой биографический опыт становится частью новой истории, а сам символ уже не привязан ни к состоянию, ни к чувству, ни к мысли, но к чему-то намного большему. Эти символы невольны. Их выбирает история. Авторы могут только честно предоставить форму, но смысл, если придет, придет сам собой.

«Когда архитектор Трезини строил Петропавловскую крепость, вряд ли он предполагал олицетворить в ней нечто специфически русское. Просто очень плоское место. Надо было привязать к нему не менее плоский Амстердам. Что Трезини и сделал, в тайне подозревая, что настоящего Амстердама все-таки не получится. Получится что-то другое, но что? Тогда об этом не знал не то что Трезини, но и царь Петр, и сама страна. Ну а потом пошло-поехало. Пока Питер обрастал веселеньким Растрелли, Петропавловка хранила память о царских переворотах, тихих задушениях нежелательных наследников, декабристах. Свободе, Грибоедове, Пушкине. Однажды все догадались, что Россия и Петропавловка прожили вместе одну странную и страшную жизнь и стали взаимно друг друга символизировать. Трезини загадочным образом построил не просто крепость, а предугадал нечто, что потом назвали собственно этой страной» (5).

Хайд как раз выразим. Но почему он внятен? Не потому ли, что косые линии на схеме, предложенной В. В. Набоковым, начерчены в душе каждого из нас?

В. Розанов в работе о «Легенде о Великом инквизиторе» так и полагал и объяснял этими, условно говоря, «косыми линиями», что смысловое восприятие зла, изображаемого, например, на сцене, нам вполне внятно, и мы чувствуем, если артист, представляющий Отелло, фальшивит. А откуда нам это знать? Никто из нас (надо надеяться) не душил любимую женщину, а чувствуем, что Отелло это делает «не так».

В. Розанов, думается, ошибался – вкус вовсе не основан на соревновании с «личным воображаемым» и уж тем более – с личной памятью.

Но со структурой нашей психики, по Карлу-Густаву Юнгу, Хайд имеет нечто общее.

И остается только удивиться, как замечательно угадана Стивенсоном одна из существенных (по Юнгу) сторон нашей психики: Тень.

«В сновидении часто появляется незнакомец того же пола, что и человек, видящий сон. Например, этот незнакомец – вор. Человеку незнакомец казался злым, вызывал неприязнь. Он не осознавал этой части своей личности, не принимал ее. Однако она существовала и была активна. Другие люди знали о ней, указывали на нее, реагировали на нее, укоряя человека за неприятное поведение. Ему казалось, что его не понимают, и

¹ Благодарю профессора К. Шарова (МГУ) за указание на эту мысль Бодрийяра в *Post Orgicu*.

он временами выходил из себя, пытаясь оправдаться. Во сне эта ситуация разыгрывается в ролях, перед ними предстает неизвестная часть самого себя, но он не увидел, что сон имеет отношение к его личности. ...тень мешает человеку как скрытый аспект самосознания, но, если происходит ее сознательное принятие, жизнь может неожиданным образом измениться. Никто не может узнать свою тень без значительных душевных усилий. Осознать ее – значит увидеть темные стороны своей личности как настоящие и реальные... их природа – эмоциональная... кстати, эмоция – это не то, что личность делает, а то, что с ней происходит... Основную трудность в знакомстве со своей тенью представляет то, что она тесно связана с проекциями, которые, будучи бессознательными, не воспринимаются человеком, а это ведет к тому, что он начинает обвинять другого человека. ...Проекции, – продолжает Юнг, – превращают окружающий человека мир в слепок с его собственного, но неосознаваемого им лица» (2).

Вот как воспринимает этот слепок Джекил: «Все мои ощущения как-то переменялись, стали новыми, а потому неопишимо сладостными. Я был моложе, все мое тело пронизывала приятная и счастливая легкость, я ощущал безбашенную беззаботность, в моем воображении мчался вихрь беспорядочных чувственных образов, узы долга распались и более не стесняли меня, душа обрела неведомую прежде свободу, но далеко от безмятежной невинности. С первым же дыханием этой новой жизни я понял, что стал более порочным, несравненно более порочным – рабом таившегося во мне зла, и в ту минуту эта мысль подкрепила и опьянила меня, как вино. Я простер вперед руки, наслаждаясь непривычностью этих ощущений, и тут внезапно обнаружил, что стал гораздо ниже ростом. ...И если лицо одного дышало добром, лицо другого несло на себе ясный и размашистый росчерк зла. И все же я почувствовал не отвращение, а внезапную радость. Ведь это тоже был я. Образ в зеркале казался мне естественным и человеческим. На мой взгляд, он был более четким отражением духа, более выразительным и гармоничным, чем та несовершенная и двойственная внешность, которую я до тех пор привык называть своей. И в этом я был, без сомнения, прав» (10).

Вполне допустимо, что Стивенсон мысленно обращался к представлению о переборе возможных образов, символизирующих Добро и Зло. Ведь и процесс селекции слов сопряжен (и даже предшествует) их комбинации в семантических линиях, понижающих текст. При этом селекция происходит в пространстве в чем-то сходных лексических значений и близка метафоре, а комбинация находит выражение в сложности лексических единиц и близка метонимии.

Отсюда следует несколько выводов:

Сознание – это то, что ожидают от меня Другие.

Бессознательное – это то, что мое Я прячет от Других.

Эго – это система гипотез относительно себя и других.

Отсюда – структура Эго. Эго прячет нечто от других потому, что спрятанное представляет собой Unbewusstsein, Id, пружину механизма Эго, без него Эго не работает. И если метафорически изобразить психику в виде часов, то сознание – циферблат, заслоняющий механизм, движущий стрелки.

Окно Джо-Гарри включает циферблат, то, что на нем видят и другие, то, что не видят другие и то, что не вижу я, хотя это невидимое (неосознаваемое) работает.

По этому же принципу работает и тело, и душа. Недаром внутри тела темно. А пропедевтика начинается с того, что видно – с сыпи, расширенных зрачков, высоты

столбика ртути в термометре (хотя термометр – уже попытка заглянуть вовнутрь, и недаром в западной медицинской практике термометр погружают в ротовую полость).

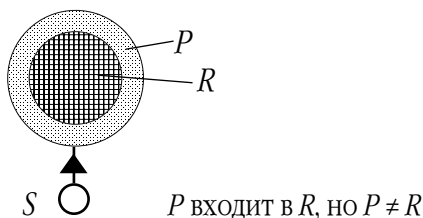
То есть Воля, смещаясь вверх, образует Интеллект, смещаясь вниз – поведение, а вот это перемещение создает Я, которое сдвигается к поведению (это и есть эксплицитное Я) или смещение мысли к имплицитному Я.

Отсюда ясно, что фокальные точки возникают как точки встреч Я, транслированные в маршруты поведения, прочерченные по когнитивным картам.

Ясно, что и машины, превращающие Опасения в Явь, выражают самую сущность наших гипотез относительно себя в преломлении сознания, которое содержит гипотезы относительно ожиданий Других.

Возможно, читатель сочтет проявлением дилетантизма схематизацию, предложенную Набоковым; но это не так. Обратимся к исследователю, чей профессионализм ни у кого сомнений не вызывает – к Дж. Серлю (9). Я имею в виду его схему косвенного акта (где $S \rightarrow$ субъектное выражение « S есть P »):

Косвенный речевой акт. Говорящий имеет в виду то, что сказал, но он также имеет в виду и нечто большее. Тем самым значение высказывания включает значение предложения, но само выходит за его рамки:

Собственно, это схематическое выражение концепта «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда», где Стивенсон имел в виду именно то, что сказал, но и «нечто большее».

Оно заключается в том, что неотъемлемой частью человеческой психики является Тень (в смысле Юнга).

Сюда же относится и реклама – гипотеза относительно ожидания Других оттого, что мое Я переместило себя (частично) в услугу или товар.

Сравним у И. Вайса: женщина – это и товар, и продавец, она – реклама возможной (ожидаемой, желательной) услуги, продуктом которой являются дети. В интерпретации Ф. Пола, стройная концепция права нуждается в переоценке, поскольку всеобщий закон ясен: права высшего превосходят права низшего подобно тому, как атом фтора высветляет из вещества атомы кислорода». Но справедливо ли это?

Во всяком случае, так происходит давно – если, конечно, можно считать это ответом. Бесспорно только одно: вся система классов, привилегий, законов преследует определенную цель, и цель эта – производство некоего товара, уникального по своим свойствам. Нельзя получить его в короткий срок, нельзя совершенно удовлетворить потребность в нем и нельзя остаться без рынка сбыта. Этот товар – дети.

Примечание: лекции в Корнеллском университете Набоков читал в 1951–1958 гг., изданы они в 1980 г., а глава из книги Дж. Серля, на которую я ссылаюсь, – в 1979 г. Приводимые схемы, таким образом, совершенно независимы друг от друга.

Законно предположить, что в этом скрыт ответ на вопрос, который особо занимал Набокова: почему в «докторе Джекиле» фактически отсутствуют женские персонажи? Возможно, потому, что Стивенсон, сам того не осознавая, метонимически совместил в персонажах своей повести и того, кто создает, и того, кто порождает.

Литература

1. Jakobson R., Halle M. *Grundlagen der Sprache*, Berlin: Akademie Verlag, 1960
2. Jung C. G. *The Collected Works of C. G. Jung*, London: Routledge & Kegan Paul, vol. 9, part 1, pp 88-89
3. Kubie L.S. *The Language Tools of Psychoanalysis* // *International Review*, 1975, 2
4. Rapoport A. *The role of symbols in human behavior* // *Psychiatric research Reports*, vol.2, Washington: American Psychiatric Association, 1955
5. Андреева О. История в птицах // *Искусство кино*. – 2010. – № 7. – С. 66.
6. Мур Э. Б. Проблема определения в психоанализе // *Психоаналитические термины и понятия*. – М.: Класс, 2000, С. 18.
7. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе. – СПб: Азбука-Классика, 2010. – С. 266–267.
8. Олдингтон Р. Стивенсон. Портрет бунтаря. – М: Молодая гвардия, 1973. – С. 176–180. (Aldington R. *Portrait of a Rebel. The Life and Work of Robert Lois Stevenson*)
9. Серль Дж. Метафора // *Теория метафоры*. – М: Прогресс, 1990. – С. 339 (Searle J.R. *Expression and Meaning*. Cambridge University Press, L – NY, 1979, p. 113).
10. Стивенсон Р. Л. Собр. соч. в 5 т. – Т. 2. – М: Правда, 1967. – С. 559.

П. П. Дятленко,

*преподаватель кафедры истории, культурологии и рекламы,
Кыргызско-Российский (Славянский) университет*

Кыргызстанская историография по сталинским репрессиям и реабилитации репрессированных граждан

История вопроса

Научная разработка вопросов историографии, связанных со сталинскими политическими репрессиями и последующей реабилитацией репрессированных граждан, важна для понимания социально-политических процессов всего постсталинского периода истории (включая постсоветский период истории Кыргызстана), для анализа степени развития и свободы общества, оценивания реальных изменений во взаимоотношениях общества и государства, сменявших друг друга периодов демократизации и откатов к разным моделям автократии.

Анализ кыргызстанской историографии позволяет четко проследить все эти сложные социально-политические процессы, привязав их к конкретным хронологическим рамкам, применив схему из взаимосвязанных компонентов: «автор, общество, эпоха».